

Но главное, предлагаемая нами трактовка жанра эссе (через категорию Личного Мифа), вводит универсальное основание, позволяющее безошибочно относить к жанру эссе произведения со сложной жанровой структурой, ранее вызывавшие споры исследователей.

1. Дмитровский А.Л. Жанр эссе. Очерк теории жанра: Монография. – Орёл, 2006.
2. Дмитровский А.Л. Эссе: мифологическое сознание как основной жанрообразующий элемент // Труды молодых ученых ВГУ. Вып. 3. Ч. 2. Воронеж, ВГУ, 2001.
3. Черная Л.А. Русская культура переходного периода от Средневековья к Новому времени. – М., 1999.

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС СОЧИНЕНИЙ И. С. ПЕРЕСВЕТОВА: ОСНОВНЫЕ ИДЕИ

*Нарожняя Светлана Михайловна
Белгородский госуниверситет*

Ключевые слова: русская публицистика донационального периода, Иван Пересветов, единый комплекс публицистических произведений.

Key words: *the key themes and questions of the Old Russian publicism, the system of the author's views, a whole complex of the publicistic works.*

В истории культуры и общественных движений роль политической, философской, религиозной, морально-этической публицистики значительна. Русская публицистика восходит к ряду текстов древнерусской литературы – «Слову о Законе и Благодати» Илариона (XI в.), «Словам» Кирилла Туровского (XII в.), Серапиона Владимирского (XIII в.), Повестей Куликовского цикла (2-я пол. XIV – нач. XV вв.) и пр., а также к произведениям многочисленных авторов старорусского периода (XV-XVI вв.). Именно в этих памятниках известные и неизвестные ныне авторы обращались к важнейшим вопросам современной им жизни и, осмысливая опыт прошлого и пытаясь предсказать будущее своей страны, обозначили ряд ключевых тем и вопросов, которые составят своеобразие русской публицистики донационального периода: утверждение на Руси христианской веры и взаимоотношения с иноверцами, становление (древне)русской государственности, формирование образа идеального правителя (князя, затем царя), соотношение власти и закона, «мудрости» и власти, поиск соратников («опоры» и советников) правителя, преемственность политики в русской истории, патриотизм как гарантия грядущих побед над врагами и т.д.

Сочинения И.С. Пересветова (XVI, сп. XVII вв.) [1] – так называемый «Пересветовский комплекс» (далее – ПК) – это произведения разных жанров:

переделка Повести о Царьграде Нестора-Искандера (XV в.), Сказания, Предсказания, Челобитные, Концовка. Указанные тексты объединены тематически: несмотря на то, что каждое из них посвящено отдельным вопросам, в целом ПК иносказательно подводит к осознанию необходимости реформ в государственном устройстве, в судебной и торговой сферах, в организации армии. Именно поэтому сочинения И.С. Пересветова привлекали внимание современных исследователей разных областей – истории России, литературоведения, юриспруденции, истории военного дела и т.д.

Ивана Пересветова включают в ряд авторов, выступивших в XVI в. с предложениями о реформировании страны, при этом ссылаются чаще лишь на два произведения (Сказание о Магмете-салтане, Большая челобитная). Однако более полное понимание взглядов публициста, на наш взгляд, возможно лишь при внимательном изучении всех сочинений И. Пересветова. Это подтверждается и в недавних работах А.В. Каравашкина, который, анализируя содержание произведений публициста, акцентирует внимание на важнейших положениях каждого из них [см., например, 2: 245-252].

Наши исследования позволили обнаружить следующую систему выражаемых автором ПК представлений:

1) Идеальный царь обладает теми свойствами, которые были присущи Александру Македонскому, Магмету-салтану. Их антиподы – Фараон египетский и Константин Иванович (XI Палеолог): *Турский царь Магмет-салтан великую правду во царство свое ввел (182); Велможы греческие при царе Константине Ивановиче царством обладали (175); знамение господь бог показал над Фараоном, царем египетским, – морем потопил его да и велможы его для того, что был он израилтян поработил. Ино то есть знамение велико от бога, что бог гордости не любит и порабощения (182).*

2) Иван IV Васильевич – самодержец, прирожденный стать идеальным христианским царем: *породился (Иван IV – С.Н.) от великия мудрости по небесному знамению на исполнение правды в его царстве (161); будет у него (Ивана IV – С.Н.) в его царстве таковая великая мудрость и правда неправедным судиям от его мудрости великия, от бога прироженныя (174); Любячи господь веру христианскую, что такового царя создал мудрого воинника (162).*

Чаще существительное царь употребляется в ПК безотносительно, но на фрагменты с ним возложена задача выразить пожелания Пересветова в адрес Ивана IV: *Правда богу и отцу сердечная радость, а царю великая мудрость и сила (177).* В следующем контексте, где речь идет о турецком правителе Магмете-салтане, все же содержится и одобрение, и, таким образом, рекомендация царю Ивану IV: *Мудр царь, что воином сердце веселит, – воинниками он силен и славен (156).* В другом фрагменте, посвященном Ивану IV, есть фраза, которая также имеет и отвлеченный характер, и рекомендацию: *щедрая рука николи не оскудевает и славу царю собирает: что государю щедрость к воинником, то его и мудрость (175).* В ряде контекстов при существительном царь в ПК используются характеризующие определения: *Пишут о тебе, государе, о благоверном великом царе, что будет о тебе, о государе, слава веля вовеки (171); Великий государь, сильный царь благовер-*

ный таковыя великия досады терпит от своего недруга, от казанского царя (177). Сочетание определений способствует возвеличиванию Ивана IV рядом с называемым казанским царем и царством. Полагаем, это не случайно: молодой царь Иван вскоре отправлялся в Казанский поход (1549 г.). Подчеркнем, титул царь, которым ранее русские люди величали только могущественных монголо-татарских ханов и главу священной Римской империи, стал использоваться в именовании русского монарха с 1547 г., после венчания Ивана IV на царство. Вхождение этого титула в обиход означало возросшее значение России в системе европейских государств; показало, какого превосходства добился молодой царь по сравнению с другими князьями [3:188].

Важную функцию в ПК выполняют в связи с этим лексемы философ и дохтур. Греческое слово философ, уже в ранних памятниках (XI – XIII вв.) употреблявшееся параллельно с его русской калькой мудролюбец, в сочинениях Пересветова выступает именно в этом значении по отношению к авторитетным для публициста персонажам: *Царь турской Магмет-салтан сам был философ мудрый по своим книгам по турским* (151); *сам Петр волоцкий воевода, ученый философ и дохтур мудрый* (183). Подобное видим также в контексте с прилагательным философский – ‘свойственный философу’: *те речи говорит (Петр – С.Н.) от научения веры и мудрости философския* (183). Приведенные контексты являются важнейшими аргументами в пользу настойчиво проводимой Пересветовым мысли об идеальном государе – мудреце и философе. Это представление восходит к философии Платона, а в XVI в. оно возродилось и было распространено в польской литературе: «не один из тогдашних польских писателей мечтает о том, чтобы «короли были философами или философы королями»» [4:174 – 175].

Рассуждая об идеальном правителе, Пересветов приходит к мысли о благодати – ‘помощи, ниспосланной свыше, к исполнению воли Божией’ [5, I:92]: *Царю быти благодатию божию и мудростью великою на царстве своем* (178). Посредником в связи Бога и земного человека является царь, значит, он не только посредник, но и защитник для простых людей. С другой стороны, делая акцент на посредничестве царя, автор, на наш взгляд, выражает так свое недоверие к лицам духовного сословия.

3) Одна из основных идей сочинений Пересветова: мудрый царь должен окружать себя мудрыми и справедливыми советниками: *А ко Августу кесарю во убогом образе пришед воинник и принесл ему великия мудрости воинския, и он его про то пожаловал, держал его близко себя и род его* (172).

Автор неоднократно призывает Ивана IV прислушиваться к советам, которые дают опытные и мудрые доброжелатели. Примечательно в связи с этим употребление в ПК имени существительного мудрец – ‘обладающий глубоким, пронизательным умом, большими знаниями и жизненным опытом’: *слышавшие от многих мудрецов, что быти тебе, государю, великому царю по небесному знаменю* (164). Здесь речь идет об обычных, земных людях; информация от них получена изустно. В другом контексте неточно цитируется библейский текст (Лука, XI,9): *Да рек тако Магмет-салтан: «Пишет о милостыни мудрец, яко подобает от праведнаго труда творити ми-*

лостыню, а не от лихоимства (168). Ссылка не на евангелиста, а на какого-то «мудрого человека», полагаем, здесь не случайна: автор стремится привлечь внимание адресата и к собственным текстам, и к «речам и делам», привезенным им после пребывания в Валахии. Немалую нагрузку в ПК несет и слово доброхот – ‘доброжелатель’: *Приметил... есми, государь, Петра волоскаго воеводу, был тебе, государь, великий доброхот и царству твоему* (170). Ссылаясь на авторитет Петра, И. Пересветов еще раз подчеркивает, что его обращение к Ивану IV связано со страстным желанием помочь, потому что не только Петр (Рареш, валашский воевода, родственник русского царя по линии матери, Елены Васильевны Глинской), но и сам публицист был доброхотом по отношению и к молодому царю, и к Русскому государству.

4) Представление об идеальном государственном служащем противопоставлено в ПК собирательному образу вельможи у царя Константина, ср.: *То есть вельможа, что в нем великая мудрость и казны цареви не осквернит ни в чем* (168); *Наполнилися вельможи его (Константина – С.Н.) нечистым собранием и казны своей великим богатством... емлюще посулы... и в том казны свои наполнили золотом и серебром и многоценным камением* (166). Примечателен в этой связи следующий контекст: *и вельможи (русского царя – С.Н.) от слез и от крови рода христианскаго богатеют нечистым собранием* (173). Как видим, для Пересветова богатство вельмож ассоциативно связано с преступлением против бога и против людей-христиан. Таким образом публицист стремится обличить вельмож вообще, по его представлению, недобросовестных и нечестных людей.

С именем существительным вельможа в ПК семантически связано существительное вельможество – ‘знатность, богатство’ [6, 3:72]: *которыя вельможеством ко царю приближаются не от воинской выслуги, ни от инья которыя мудрости* (178). Иначе, на это слово в сочинениях Пересветова накладывается негативная коннотация: вельможество здесь несовместимо ни с воинскими заслугами, ни с наличием суммы знаний, «мудрости» в любой другой области. Таким образом, автор отстаивает право быть помощниками царя его приближенным в зависимости от личных качеств, а не от унаследованного статуса. В этом плане показательным и использование в ПК имени существительного служба (‘выполнение обязанностей государственными служащими’): *вельможу пожалует за его верную службу каким городом или волостию* (174). Определение верный здесь – ‘честный, неподкупный’, – безусловно, существенно, поскольку поддерживает одну из основных мыслей ПК: вознаграждение и высокое положение должно быть заслуженным.

Кроме того, Пересветов размышляет и о требованиях к человеку, наделенному полномочиями: *Аще ли властель еси, не насилуй и не лихоимствуй, но егда приключится власть, покажи правая* (169) (см.: властель – ‘должностное лицо, проводящее на местах власть верховного гражданского или духовного лица; управитель волости; высшее начальственное лицо, предводитель волости’ [6,2:217]). Это человек, не способный нанести ущерб авторитету государства: *Приказал бог ... человека выбрати мудраго, ... что ... казны цареви не осквернит ни в чем* (168). Подобные контексты составляют в ПК своеобразный кодекс поведения должностных лиц и – в совокупности с

элементами Моисеева десятисловия – отражают представления автора об основах нравственности христианина.

5) Воинник – образец служилого человека: *и то есть мученики божия последняя* (погибшие в сражении воины – С.Н.), *яко же пострадали за веру христианскую, яко первыя, – души их к богу в руки, небесныя высоты наполняются таковыми чистыми воинники, аггелом равны и украшенны от бога златыми венцы* (160); *А войско его царское с коня не сседает николи же и оружия из рук не испущают* (155).

Употребление существительного оружие в ряде контекстов ПК подчиняется определенной логике: 1) воинники всегда готовы к обороне или защите; 2) войско царское то же на земле, что ангелы божие (силы небесные) на небе; 3) воинники – ангелы, несущие службу на земле. Следовательно, царю без воинников быть невозможно. Общее, что есть у воинников и ангелов, – оружие, которое является их неотъемлемым атрибутом. Не случайно, как представляется, и использование в ПК сочетания архаггельская сила: *Так пишут про него, что он родился воин... а в нем была, благоверном царе архаггельская сила* (165). В этом случае прослеживается идея, согласно которой не только воины уподоблены ангелам, но и военачальник – здесь царь – находят место в иерархии небесного воинства.

В связи с размышлениями о статусе служилых людей («воинников») в государстве Пересветов не раз пишет о том, что служба («дворянская», «королева»), за которую дается жалование, – идеальный вариант организации «государевой службы». В своих сочинениях автор достаточно подробно описывает полученный опыт службы у зарубежных государей.

Важен для аргументации доводов автора контекст, в котором традиционное для древнерусского языка в качестве термина сочетание лутчие люди употреблено в ином значении: *царь Магмет...дал им волю, и взял их к себе в полк, и они стали у царя лутчие люди, которые у велмож царевых* (Константина – С.Н.) *в неволе были* (157). Здесь речь идет о достойных воинах, в прошлом рабах; говоря о них, публицист приходит к выводу: порабощенные не могут быть хорошими воинами.

б) Московское государство может и должно стать идеальным христианским государством: *И ныне греки хвалятся государевым царством благовернаго рускаго царя от того взятия Магметова и до сех лет* (160-161); *Знаменуется в мудрых книгах, пишут философи и дохтуры о благоверном великом царе руском и великом князе Иване Василевиче всея Руси, что будет у него в его царстве таковая великая мудрость и правда неправедным судиям от его мудрости великия, от бога прироженныя* (174); *И он* (Петр – С.Н.) *говорит: Такова была вера греческая* (здесь – конкретно греческая ветвь христианства, отличная от русской – С.Н.) *силна, и мы ся ею хвалили, а ныне руским царством хвалимся* (173).

Русичам и их царству противопоставляются в ПК другие страны и народы: *И нам бы нечем говорити греческой вере, аки жидом и арменом, нечем говорити, что нет у них волного царя, и царства волнаго нет же у них; а мы тем царством руским и христианским греческой вере хвалимся* (177). Как

видим, основа этой противопоставленности – в независимости, гражданской и религиозной. Однако не менее внимателен автор к идее преемственности между Византией и Москвой: *и тем царство греческое, и веру христианскую* (здесь – равнозначное обозначение христианской веры в целом – С.Н.), *и красоту церковную выдали иноплемянником турским на поругание ...*(но ниже – С.Н.): *Тем ся царством руским ныне хвалит вся греческия вера, надеются... свободити руским царем от насильства турскаго царя иноплемянника* (176).

Не менее важна в ПК идея об умножении веры христианской – ‘укрепление веры, упрочение позиций христианства’ – как в связи с известной идеей о Москве – III Риме, так и в связи с пожеланиями в адрес Ивана IV о внешнеполитических акциях: *И надею на бога держат* (греки – С.Н.) *во умножение веры христианския на то царство руское благовернаго царя рускаго* (161).

7) Правда – основа основ в государственном управлении: *Правда богу сердечная радость: во царстве своем правду держати, а правда ввести во царство свое, ино любимаго своего не пощадити, нашед виноватаго* (153); *Естьли к той истинной вере христианской да правда турская, ино бы с ними аггели беседовали* (161).

Заметим, что одно из «ключевых» в ПК слов – правда – употребляется как многозначное понятие: 1) ‘справедливость как соответствие действий и поступков требованиям морали и права’ [6, 18:96]; 2) ‘истина, связанная с основными положениями христианской веры’: *Да рек тако Петр волоцкий воевода: Истинная правда Христос есть...* (176); 3) ‘исполнение божественных заповедей, долга’: *и возмутся за вечную правду и утешат бога сердечною радостию* (165); 4) ‘справедливость как свойство праведника, праведность, благочестивость’ – в значении наречия: *Ино умей стяжати правдою, раздаяти же милостыню, по писанию, и тем приблизитесь богу* (169); 5) ‘повеление, заповедь’: *О нетворящих же милостыню нищим пророк рече: «Затыкая уши свои, да не слышит убогих, и сам взовет, и не будет избавляющаго». Тем подобает милость его и правду получитьи* (169); 6) ‘установление, правило, закон’. В соотношении понятий «закон» и «правда» здесь отражается та черта средневековой культуры, которая состоит в недостаточной расчлененности политики, этики, права, а также их связи с религиозным пониманием и осмыслением мира [7:175-176] (пример см. выше – С.Н.); 7) ‘добрые дела’ [8, II(2):1356]: *Таковому было быти христианскому царю, всеми правдами богу сердечную радость воздати* (160); 8) ‘суд’: *будет у него* (Ивана IV – С.Н.) *в его царстве таковая великая мудрость и правда неправедным судиям от его мудрости великия, от бога прирожденныя* (174).

8) Источником правды являются (христианские) книги: *А все то царь Магмет-салтан списал со христианских книг ту мудрость, таковому годится христианскому царю божию волю делати* (157).

Для Пересветова книга – неоспоримый авторитет и источник мудрости, недаром одно из произведений комплекса – Сказание о книгах. Это существительное в ПК имеет форму только множественного числа и в большинстве случаев (20 из 28) сочетается с определениями-прилагательными – божест-

венная (1), христиан(ь)ския (7), греческия (4), мудрыя (1), судебныя (1), полныя и докладныя (1) и комбинациями прилагательного и местоимения – свои мудрыя (3), свои турския (1); местоимением свои (1).

Употребление с первыми двумя из приведенных прилагательных указывает на функциональную отнесенность этих книг, их связь с религией; часть контекстов с сочетанием книги греческия также посвящены теме христианства, но для Пересветова важнее то, что: 1) христианские книги воплощают кодекс общечеловеческой морали: *А ту мудрость царь Магмет снял з греческих книг, образец – таковым было греком быти* (154); 2) книга помогает осознанию прошлого и настоящего, поэтому может предсказать будущее: *Да и то начитают в мудрых книгах своих, что введешь правду великую в царстве своем* (172). Упоминаются в ПК и книги, имевшиеся в Турции: они тоже были источниками «мудрости»: *Царь турской Магмет-салтан сам был философ мудрый по своим книгам по турским* (151); 3) в Сказании о царе Константине ПК слово книги использовано в значении ‘нечто вроде подложных книг’: *И умыслили (вельможи Константина – С.Н.) книги написати от бога с великою клятвою* (167). Здесь достаточно прозрачно высказано предостережение Ивану IV: не всем текстам можно доверять, вельможи способны на подлог.

9) «Гроза» – способ установления правды: *Не мочно без грозы царство царю держати* (153); *Царь кроток и смирен на царстве своем, и царство его оскудеет, и слава его низится. Царь на царстве грозен и мудр, царство его ширеет, и имя его славно по всем землям* (167); *А не мочно царю без грозы быти: как конь под царем без узды, тако и царство без грозы* (153).

Имя существительное гроза – ‘гнев, строгость’ [6,4:139] – в сочинениях ПК имеет особую смысловую нагрузку, поскольку в представлении автора царская власть, для Пересветова – сильная централизованная власть, неразрывно связана со строгостью. Но, гроза должна быть справедливой, поэтому в контекстах с этим словом видим и слово правда, означавшее большей частью справедливость, законность.

В фигуре сравнения оказывается семантически рядоположенным слово узды: оно метафорически означает право государя на постоянный контроль за всей жизнью государства. Этот символ был известен еще по Изборнику 1076 г. [9:57]. В последнем из приведенных контекстов существительное узды выступает в качестве элемента попарного сравнения: царство – конь под царем, гроза – узды. Возможно, именно это афористическое высказывание Пересветова легло в основу поговорки, фиксируемой ныне с пометой «устаревшая»: народ без грозы, что конь без узды [10:195].

10) Учет исторического опыта – условие осуществления «правды»: показательное использование в сочинениях И. Пересветова лексико-семантического варианта-2 (ЛСВ-2) существительного взятие – ‘повествование о захвате Константинополя’, а именно: Повесть об основании и взятии Царьграда и Сказание о царе Константине ПК, специально посвященные анализу причин гибели «греческого царства» и составляющие

«взятие греческое до конца»: *Да естли хотети царской мудрости, отведа-ти о воинстве и о уставе жития царскаго, ино прочести взятие греческое до конца* (170).

Таким образом, сочинения И. Пересветова составляют **единый** комплекс публицистических произведений, которые связаны поднимаемыми в них проблемами и вопросами, и отражают систему взглядов одного из прогрессивно мыслящих авторов своеобразного и весьма важного и противоре-чивого периода в истории русского государства.

1. Сочинения И. Пересветова / Подготовил текст А.А. Зимин. Под ред. Д.С. Лихачева. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 123-184. (Ссылки на это издание (полная редакция, музейный список) даются с сохранением орфографии и пунктуации; цифра, данная в скобках, указывает страницу). В приводимом в качестве иллюстративного фактическом материале использован ряд номинаций, многократно повторяющихся в тексте ПК. Мы пользуемся следующими обозначениями:

Иван IV – Иван IV (Васильевич) Грозный;

Константин – царь Константин (Иванович) XI Палеолог;

Петр – Петр Рареш, «волоский воевода» – правитель Валахии.

2. Древнерусская литература. XI-XVII вв.: Учеб. пособие для студ. высш. Учеб. за-ведений / Под ред. В.И. Коровина. – М.: Гуманит. Изд. центр ВЛАДОС, 2003.

3. Будовниц И.У. Русская публицистика XVI века. – М.-Л.: Изд. АН СССР, 1947.

4. Ржига В.Ф. И.С. Пересветов и западная культурно-историческая среда // ИОРЯС, т. XIII, 1911.- Кн.3.- С. 169- 181.

5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М.: Терра, 1994 (по томам).

6. Словарь русского языка XI-XVII вв. – М., 1975 и сл. (по выпускам).

7. Синицына Н.В. Проблемы общественной мысли эпохи образования русского централизованного государства и творчество Л.В. Черепнина // Феодализм в России. – М.: Наука, 1987. – С. 172-183.

8. Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. Репринтное изд-ие. Т. 1-3.- М.: Книга, 1989.

9. Кусков В.В. Поэтическая фразеология «Изборника 1076» // Герменевтика древ-нерусской литературы. – М., 1989.- Сб. 1 (XI – XVI вв.).- С. 52-75.

10. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. Изд. 4-е, испр. и доп. – М.: Русский язык, 1991.

ФИЛОСОФСКО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКАЯ ПОЛЕМИКА П.Д. ЮРКЕВИЧА И Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО О ПРИРОДЕ ЧЕЛОВЕКА

*Шинков Михаил Александрович
Орловский госуниверситет*

Ключевые слова: *природа человека, революционные демократы, православная интеллигенция, душа, публицистика.*

Keywords: *the nature of human being, revolutionary democrats, ecclesiastical intellectuals, the presence of soul, publicism.*